

**АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ**

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

**Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА**

**Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА**

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

Т. М. Девель

АЛЬБОМ ФОТОГРАФИЙ МИССИИ ПОЛКОВНИКА Н. П. ИГНАТЬЕВА В ХИВУ И БУХАРУ 1858 ГОДА *

В собрании фотоархива Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР долгое время оставался неопознанным альбом фотографий (инв. № 62433—62460, шифр Q 211), поступивший в 1925 г. как происходящий из библиотеки Мраморного дворца в Ленинграде.

Папка размером 38 × 30 см, обтянутая коричневой кожей, содержит 28 фотографий, наклеенных на 27 отдельных листах тонкого картона¹. На лицевой стороне папки помещена тисненая золотом надпись: "От Оренбурга через Хиву до Бухары. Светопись артиллерии подпоручика Муленко". Фотографии в виде овалов и прямоугольников разных размеров, иногда с закругленными углами, обведены узкой, исполненной черными чернилами рамкой, повторяющей форму снимка. Под фотографиями — краткая аннотация, нанесенная теми же чернилами каллиграфическим почерком².

* Автор статьи Т. М. Девель (1888—1980 гг.) работала в фотоархиве ГАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1921 по 1956 гг. С 1930 г. была заведующей фотоархивом. Т. М. Девель — автор работы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях и ряда работ по раскрытию фондов фотоархива ЛОИА.

Настоящая статья написана в 1957 г., переработана автором в 1970 г.

Статья подготовлена к публикации заведующей фотоархивом ЛОИА Э. С. Доманской.

¹ Первоначально в альбоме было 29 снимков: одна фотография (№ 62446) была передана в Ленинфотоархив по акту от 27.6.1938 г.

² Перечень аннотаций следующий: № 62433. Караван-сарай в Оренбурге; № 62434. Стена г. Кунграда на Амударье; № 62435. Пароход "Перовский" и баржа у стен Кунграда на Амударье; № 62436. Пароход на зимовке на Сырдарье; № 62437. Глиняный дом в форте № 1 на Сырдарье; № 62438. Загородный ханский дом близ Хивы, в котором жила миссия; № 62439. Юламейка (малая кибитка); № 62440. Походная киргизская кибитка; № 62441. Яхши Мурат, дарга (министр двора), узбек; № 62442. Дети Ходжеш Мехрема, любимца хана; № 62443. Сеид, хивинский солдат на часах; № 62444. Эршания, художник с сыном; № 62445. Бек-Мурат Нур-Нияз, 15-летний мальчик; № 62447. Батыршина, переводчик, татарин; № 62448. Два киргиза Табынского рода; № 62449. Киргизка, 15 лет, Табынского рода; № 62450. Назар, сын Исета; № 62451. Себя-Зали, пленник в Хиве, перси-

Снимки представляют главным образом различные типы местного населения и их кочевые жилища, в силу чего альбом рассматривался в фотоархиве как содержащий этнографический материал и представлялся для просмотра этнографам, искавшим иллюстрации по Хиве и Бухаре.

В настоящее время принадлежность этого альбома удалось установить. Отправными точками послужили как сама вышеприведенная надпись на папке, явно свидетельствующая о каком-то путешествии и ограничивавшая его район, так и аннотация на одной из фотографий (№ 62453) — "Русские пленные в Бухаре, освобожденные правительством в 1858 году", дававшая ориентацию возможной датировке. Термин "светопись" и сами снимки с точки зрения техники фотографирования не противоречили такой ранней дате.

Просмотр литературы о русских путешествиях, предпринимавшихся около указанного времени в данный район, позволил предположить связь нашего альбома с дипломатической миссией полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 году. Как известно, сборным пунктом миссии был Оренбург, откуда она выступила 15 мая 1858 г. в составе (с конвоем) 117 человек. Ее путь лежал через Хиву в Бухару с возвращением через форт № 1 на Сырдарье. В распоряжение миссии был предоставлен отряд Аральской флотилии под начальством капитана I-ранга А. И. Бутакова. С пароходом "Перовский" и сопровождавшей его баржей А. И. Бутаков достиг города Кунграда и после кратковременного пребывания в нем был вынужден спуститься обратно к устью Улькун-Дарьи, а затем в сентябре вернуться на стоянку Аральской флотилии в форте № 1 на Сыре.

Самые первые известия о миссии Игнатьева еще во время ее похода стали поступать в печать в виде корреспонденций одного из участников экспедиции штабс-капитана Н. Г. Залесова в редакцию Военного сборника. Всего им было направлено из похода пять писем³.

янин; № 62452. Фазыл Джав, бухарец; № 62453. Русские пленные в Бухаре, освобожденные правительством в 1858 г.; № 62454. Сегюр-Магзюм-Мухаммеджанов из шайки Исета, киргиз Чиклинского рода; № 62455. Ибрагим Байдусов, киргиз Табынского рода; № 62456. Группа киргизов, кочующих у предгорий Усть-Урта; № 62457. Могаммед Керим (диван-баба), находившийся приставом при Миссии; № 62458. Исет Кутебаров, Чиклинского рода киргиз, богатырь, известный во всей зауральской степи; № 62459. Группа хивинцев; № 62460. Джутара. *Holcus Sorghum* (сахарное сорго) из Бухары, растет и на Сырдарье в наших пределах, могла бы быть разводима с выгодой. Гнездо ремеза. Гнездо это ремез свивает из пухового цвета туранги (*populus diversifolia*) и из камышовых волокон.

³ Из них № 1, 2, 4 и 5 были опубликованы в следующих томах Военного сборника: за 1858 г., т. III, стр. 487—491 и т. IV, стр. 491—495; за 1859 г. т. V, стр. 273—295; за 1860 г. т. XII, стр. 335—348. Письмо № 3 (из Кунграда в Хиву) по каким-то соображениям редакции не было опубликовано: (см. Воен. сборник, 1859 г. Т. V. С. 273, примеч.).

В них изложены путевые наблюдения автора в виде дневника в соответствии с главными этапами похода (№ 1 — по киргизской⁴ степи до Усть-Урта; № 2 — от Усть-Урта до Кунграда; № 4 — пребывание в Хиве; № 5 — пребывание в Бухаре). Написанные во время похода, эти письма содержали упоминания о незначительных фактах каждодневной жизни миссии, чем в значительной мере помогли опознанию интересующих нас фотографий. Позднее тот же Н. Г. Залесов опубликовал отдельную статью [7, с. 421—474 (№ 2); с. 42—82 (№ 3)], в которой, исходя как из записей дневника, так и из прочей документации миссии, уделяет главное внимание характеристике политических условий, в которых протекала работа миссии, и оценке достигнутых ею результатов. Наиболее полное описание (начиная с выступления из Оренбурга и кончая прибытием в форт № 1 на Сырдарье) мы находим в книге Н. П. Игнатьева [8, с. 275]. Естественно, что основное внимание здесь уделено переговорам в Хиве и Бухаре. Много места отведено изложению причин отклонения от первоначально намеченного плана действий миссии и разногласиям с А. И. Бутаковым. Однако и в этой книге кое-какие мелкие факты оказались полезными для наших целей. Равным образом нами были использованы описания похода на отрезке Оренбург — Хива, имеющиеся в статьях Е. Я. Килевейна (секретаря миссии) [9, с. 95—188], М. Н. Галкина (прикомандированного к миссии дипчиновника оренбургского генерал-губернатора) [2, с. 164—189] и П. Назарова (офицера Уральского казачьего войска из состава почетного конвоя миссии) [13, с. 375—390]. Прочая имеющаяся литература [11, с. 32—36] или подтверждала уже известное, или вовсе не отвечала нашим задачам.

Основным вопросом, требовавшим подтверждения для опознания нашего альбома, был вопрос о наличии при миссии фотографа. Хотя 1850-е годы и казались слишком ранним периодом для применения фотографии в экспедиционных целях, однако пример хорезмской экспедиции Ханыкова, отправлявшейся, кстати сказать, в том же 1858 году в Афганистан и хлопотавшей о включении в свой состав дагерротиписта [10, с. 29], допускал наличие фотографа и при миссии Игнатьева.

Любопытно отметить, что представление фотографического аппарата для ханыковской экспедиции испрашивалось в Военном министерстве [1, л. 33].

Обстоятельный перечень состава миссии Игнатьева, приводимый М. Н. Галкиным [2, с. 164], дал положительный ответ — фотографом миссии был артиллерии подпоручик Муренко, упомянутый на обложке

⁴ "По киргизской" следует читать "по казахской". Под киргизами следует понимать современных казахов.

нашего альбома. В искусстве Муренко как фотографа Н. П. Игнатьев не был уверен, судя по письму отцу от 11 мая, посланному еще из Оренбурга: "...вряд ли придется Вам присылать фотографии. Я очень плохо надеюсь на своего фотографа (Муренко)" [8, с. 41]. Сомнения Н. П. Игнатьева, пожалуй, были преждевременны. Учитывая технический уровень фотографий того времени и более чем столетнюю жизнь наших снимков, следует признать, что некоторые из них могут с успехом соперничать с образцами современной техники. Забота о фотографе и его оснащении не выпадала из поля зрения начальника миссии и в дальнейшем. В его предписании А. И. Бутакову от 20 июня 1858 г. о принятии на борт "Перовского" некоторых членов миссии упоминается среди прочих и "фотограф подпоручик Муренко, долженствующий следовать на судах по Амударье впредь до нового распоряжения", а относительно принятия груза — "на пароходе имеют быть помещены также шесть выюков с фотографическими инструментами" [7, с. 467]. По-видимому, как это явствует из дальнейшего, Н. П. Игнатьев рассчитывал этим "дикинным" в ту пору изобретением при случае поражать умы представителей местного населения и завязывать с ними дружеские отношения.

После того как связь нашего альбома с миссией Игнатьева была таким образом установлена, опознание отдельных заключенных в нем снимков не представляло, за немногими исключениями, трудности.

Ко времени пребывания миссии в Оренбурге относится портрет драгомана Батыршина (№ 62447) и вид Караван-сарая (№ 62433). Здание это, построенное в 1830-х годах, вопреки своему наименованию никогда не служило торговым целям. В бытность миссии в Оренбурге оно было занято казармами башкирского конного полка, а вокруг него простирался обширный сад [14, с. 114—116]. Об иллиминации как самого здания, так и сада незадолго до выступления миссии в поход упоминает Н. П. Игнатьев в письме к отцу от 11 мая [8, с. 40]. Возможно, наличие нашего снимка в альбоме объясняется желанием сохранить в памяти это событие.

Следующие девять снимков связаны со степным походом миссии. Два из них отображают бытовые условия походной жизни. На одном (№ 62440) мы видим часть бивуака с большой киргизской кибиткой в центре (*фото 1*). То тут, то там среди сложенных на земле выюков, виднеются нижние чины конвоя. На втором (№ 62439) снята одна из юлаемек⁵, в которых размещались члены миссии (по два в каждой). Обстоятельное описание этого кочевого жилища у П. Назарова полностью совпадает с нашим изображением вплоть до такой отмеченной

⁵ Юламейка — малая кибитка.

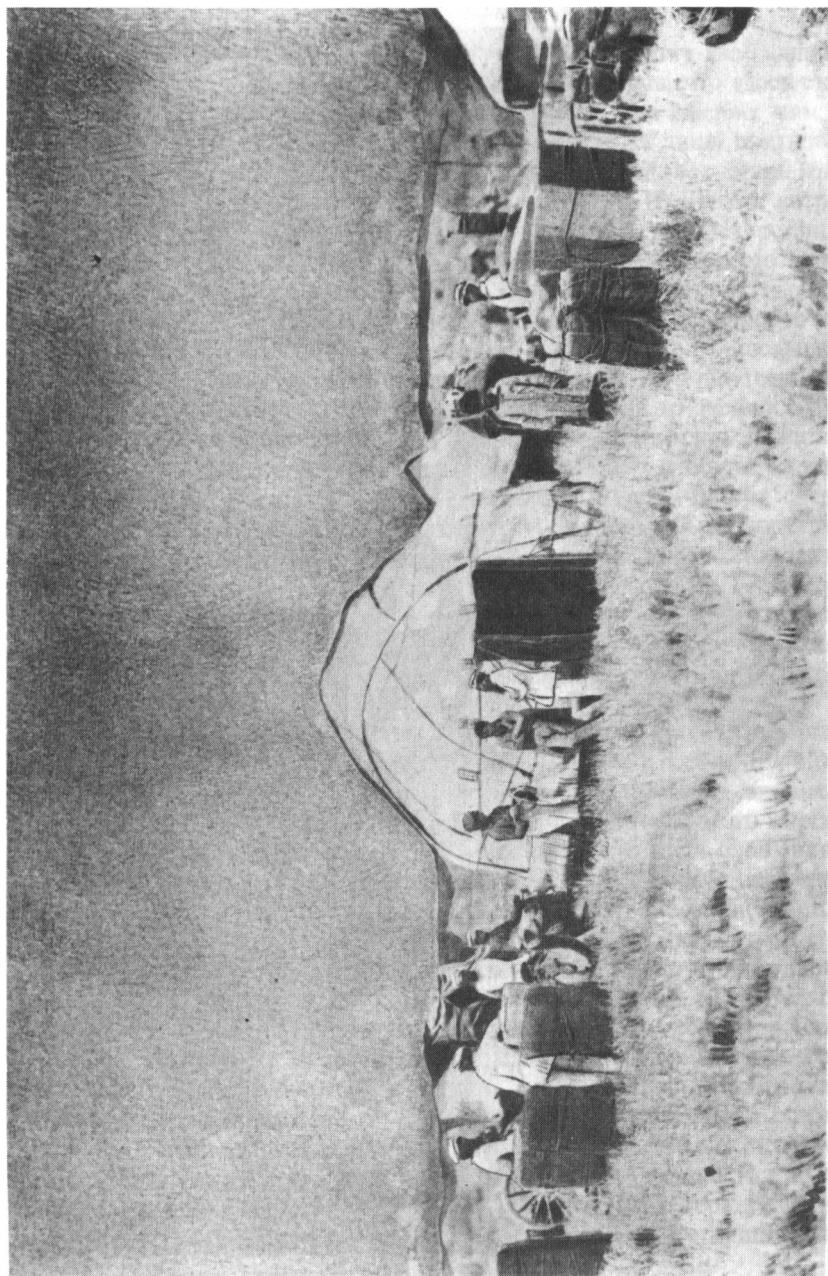

Фото 1. Члены миссии у походной палатки

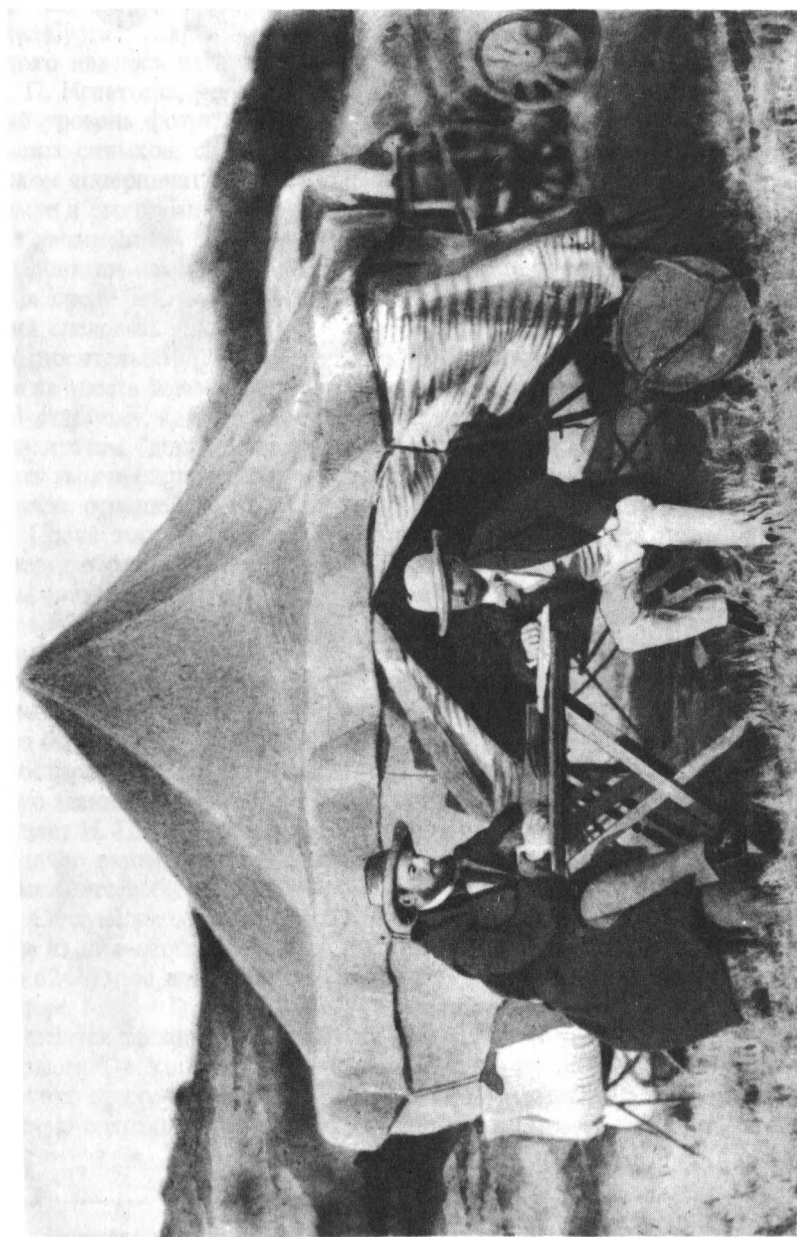

Фото 2. Юламейка (малая кибитка) и сидящие перед ней два члена миссии

детали, как завернутый сверху низ кошмы "для свободного течения воздуха" [13, с. 382].

На этом же снимке мы видим перед входом в кибитку две сидящие за складным столиком фигуры (*фото 2*). Нет сомнения, что здесь сняты два гражданских члена миссии, но уточнить — кто именно, нам, к сожалению, не удалось, и приходится ограничиваться лишь предположением. Всего при миссии было пять гражданских лиц: секретарь миссии (Е. Я. Килевейн), двое ученых (ориенталист П. И. Лерх и астроном К. В. Струве) и два медицинских работника (доктор Пекарский и второй — лекарь Батыршин). Наши поиски иконографического материала остались безрезультатными. Относительно внешности П. И. Лерха мы нашли лишь косвенные указания на впечатление низкорослости, которое П. И. Лерх производил на своих современников. В посвященном ему некрологе говорится: "Память у Лерха, этого неутомимого "маленького Курдика", как в шутку называл его один из здешних ученых, была удивительной" [15, с. 65]. Так как на нашем снимке первая фигура действительно поражает своим малым ростом и общей миниатюрностью, мы и решаемся видеть в ней П. И. Лерха. Фигура слева, возможно, представляет доктора Пекарского, которому были поручены кроме ведения медицинского журнала и лечения членов миссии также "наблюдения по части естествознания" [8, с. 33]. О нем Н. Г. Залесов в "Письме из степи" сообщает: "В особенности нравится эта местность нашему любознательному доктору Пекарскому, которого всегда можно увидеть в шляпе с огромными полями, пробирающегося между скал и камней и отыскивающего скорпионов и фаланг" [3, с. 490].

Со степным походом связаны и наши снимки, представляющие портреты встречавшихся по пути табынцев (№ 62455, 62448, 62449) и киргизов, кочевавших у предгорий Усть-Урта (№ 62456). Так как в степи было беспокойно из-за враждебных действий известного киргизского батыра Исета Кутебарова, Н. П. Игнатьев завязывал сношения с местным населением, стремясь добыть полезные для себя сведения. Предвидя, что во время следования по Усть-Урту, миссия неизбежно приблизится к кочевью Исета, Н. П. Игнатьев задумал выслать вперед одного из киргизов, проживающего в ауле близ р. Эмбы, чтобы удостоверить в намерениях Исета и в случае благоприятных обстоятельств уговорить его пойти на мировую. "Самым способным и расторопным из числа посетивших меня чиклинцев, благоприятелей Исета, — пишет П. Н. Игнатьев, — показался мне мулла Сегюр-Мухаммеджанов" [8, с. 61]. Портрет этого муллы и представлен на нашем снимке (№ 62454) — он сидит в халате и мерлушковой шапке, поджав под себя ноги. Наш альбом сохранил также изображение самого Исета Кутебарова (№ 62458; *фото 3*), явившегося 4 июня в лагерь Н. П. Игнатьева при р. Джаннды. Об этом посещении говорят все наши источ-

Фото 3. Исат Кутебаров

ники. На редкость точное описание наружности Исета у П. Назарова, полностью совпадающее с нашим изображением, заслуживает быть приведенным. "Я с любопытством смотрел на этого человека: представьте себе мужчину громадного роста с весьма выразительными чертами лица, с выдавшимися скулами и глазами полными жизни и энергии. Он был одет со вкусом и в костюме его не было видно тех ярких цветов, какими любят украшать себя азиаты: на нем был белый шелковый халат, опоясанный зеленым кушаком, а сверху халат черного сукна на темном клетчатом подбое; на голове выпитая золотом тибетейка с меховым околышком; верхнюю, с высоким верхом шапку из белого войлока, Исет снял с себя еще при входе в кибитку" [13, с. 385]. Н. П. Игнатьев, описывая прием Исета, упоминает, что "портрет его фотографический снят под благовидным предлогом" [8, с. 68], каким, судя по М. Н. Галкину, явилось заверение, "что в случае о новых буйствах Исета она (фотография. — Т. Д.) будет служить как бы залогом неправдоподобности этих слухов" [2, с. 174].

В нашем альбоме имеется также изображение Назара, сына Исета (№ 62450). На его голове такая же остроконечная тибетейка, хотя и менее богато расшитая золотом, но, подобно отцовской, отороченная мехом. Этого Назара Н. П. Игнатьев взял с собой в Хиву "в качестве вожака, с тем, чтобы он служил живым свидетелем покорности отца" [8, с. 78].

Намеченная встреча Н. П. Игнатьева с отрядом флотилии А. И. Бутакова в Кунграде не состоялась. Под нажимом хивинцев миссия была вынуждена отплыть 1 июля на туземных лодках вверх по Амударье на Хиву. А "3 июля, — пишет Н. Г. Залесов, — суда наши ("Перовский" с баржей) наконец стали на якорь против Кунграда" [7, с. 442—445]. Это событие первого проникновения русских судов на Амударью запечатлено на нашем снимке (№ 62435). Иллюстрацией к описанию стен Кунграда, которое мы находим у Е. Я. Килевейна [9, с. 99] и у М. Н. Галкина [2, с. 183], служит снимок (№ 62434), отображающий развалины берегового их участка.

Девять фотографий относятся к пребыванию миссии в Хиве. О впечатлении, которое фотография производила на хивинцев, любопытные сведения дает Н. Г. Залесов: "Сначала по приезде нашем сюда они почти с ужасом смотрели на камеру, а самого фотографа, в особенности когда он при установке инструмента накрывал себе голову черной клеенкой, считали чисто за волшебника; впоследствии же, не видя тут для себя никакого вреда и получая почти мгновенно свои изображения, хивинцы не только привыкли к камере, но даже сами напрашивались на свои портреты. Первый пример в этом отношении был подан диван-бабой, хотя и принявшим сначала предметное стекло за дуло пушки и боявшимся выстрела из него; за ним последовал дарга, сняв-

пийся не без страха, и, наконец, в один прекрасный день хан прислал для снятия портретов несколько мальчиков из своего гарема и любимую собаку, которые тот час и явились на бумаге" [5, с. 294]. Все три упомянутые Н. Г. Залесовым снимки фигурируют в нашем альбоме. Диван-баба Могаммед-Керим (№ 63457) состоял приставом при миссии, о чем упоминают и Е. Я. Килевейн [9, с. 98], и М. Н. Галкин [2, с. 182]. Дарга Якши-Мурат (№ 62441) пользовался, по словам Е. Я. Килевейна, большим уважением у хана, "что доказывает его почетный халат из кашемировой шали и кинжал, украшенный драгоценными камнями" [9, с. 100—101]. По-видимому, с этим кинжалом дарга не расставался, так как и на нашем снимке украшенная камнями рукоять кинжала виднеется торчащей из-за пояса. Три любимца хана — дети Ходжи-Мехрема (№ 62442) сняты, правда, не с одной, а с двумя собаками — одна белая, другая пятнистая. Последняя крепко связана веревкой, чтобы выдержать экспозицию.

Ряд других портретных снимков — группа из трех почтенных хивинцев (№ 62459, *фото 4*), художник Эршнияз с сыном (№ 62444), бек Мурат-Нур-Нияз, 15-летний мальчик (№ 62445) — не упоминаются в источниках. Они, возможно, представляют тех отважных хивинцев, которые "напрашивались" на портреты. Сеид, хивинский солдат на часах (№ 62443), снятый в довольно печальной позе — стоя на коленях, в халате и с ружьем на плече, может с успехом иллюстрировать невоинственный вид воинов тогдашней Хивы, о чем неоднократно упоминает Н. Г. Залесов [4, с. 493; 5, с. 277]. Наконец, портрет Себя-Зали, персидского пленного (№ 62451), возможно, представляет "главного садовника из пленных персиян" [5, с. 275], который обслуживал сад загородного ханского дома, предоставленного для жительства миссии.

Этот дом был расположен на канале Полван-Ата. Самое подробное его описание мы находим у М. Н. Галкина. На большом садовом участке было расположено три глинобитных строения. Из них два — со внутренними дворами, куда выходили окаймлявшие их помещения. О третьем мы читаем: "Калитка вела в большой тенистый сад, в котором за ветвистыми ивами, ветлой и вязью укрывался небольшой кокетливой наружности глиняный дом, општукатуренный и выбеленный под глянec, с крытой с трех сторон галереей с резными колоннами" [2, с. 189]. Этот павильон и представлен на нашем снимке (№ 62438), равно как и на литографии Н. Соколова (по фото Муренко), воспроизведенной в работе М. Н. Галкина. Одна любопытная деталь на нашем снимке позволяет уточнить дату съемки — 22 августа. В этот день миссия устраивала в своей резиденции ответный праздник хивинцам, подробно описанный Н. Г. Залесовым [5, с. 291—294]. Кроме обильного угощения, праздник сопровождался илпоминанием сада, запуском

Фото 4. Группа хивинцев

воздушного пара и фейерверком. Организация увеселительной части была поручена члену миссии лейтенанту морского флота А. Ф. Можайскому, будущему создателю первого русского самолета. Была проявлена большая изобретательность, чтобы скудными средствами соорудить разноцветные фонарики, которые подвешивались на камышовых жердях. На нашем снимке отчетливо виднеется гирлянда фонариков, протянутая от дерева к дереву вокруг всего павильона.

31 августа миссия выступила из Хивы и, переправившись у крепости Ханки на правый берег Амударьи, направилась в Бухару. Весь переход занял около трех недель. На подступах к Каракулю, как об этом пишет Н. Г. Залесов [6, с. 345], миссию встретил бухарский чиновник Мирза Фазиль, высланный эмиром для встречи и сопровождения посольства до города Бухары. Наш снимок (№ 62452) сохранил изображение этого бухарца с изящно повязанной чалмой.

Переговоры в Бухаре протекали успешно: разрешился также и вопрос об освобождении русских пленных. Н. П. Игнатьев упоминает одиннадцать человек из освобожденных, которых он решил взять с собой [8, с. 226]. На нашем снимке (№ 62453) представлена группа из шести человек. Возможно, что в них следует признать тех шесть освобожденных русских пленных, о которых сообщает М. Н. Галкин [2, с. 213 и сл.], а именно: Иван Ненилов, 60-ти лет, Павел Ярков, 36-ти лет, Иван Марченко, 45-ти лет, Василий Пшеничников, 63-х лет, Корнил Суворов, 45-ти лет и Федор Федотов, 50-ти лет.

По окончании переговоров миссия в сопровождении бухарского посланника отправилась в обратный путь через Кызыл-Кумы на Сырдарью и прибыла в форт № 1 23 ноября. Два снимка нашего альбома относятся к этому завершающему периоду похода: изображение глинобитного дома форта № 1 (№ 62437) и знакомый нам пароход "Перовский" на замерзшей Сырдарье (№ 62436). Как пишет Н. П. Игнатьев, пароход был тогда продемонстрирован бухарскому посланнику [8, с. 253].

* * *

В заключение мы хотели бы отметить, что в результате проделанной работы значение нашего альбома расширилось: наряду с этнографическим, он содержит и исторический материал и, кроме того, представляет значительный интерес для истории отечественной фотографии, являя образцы одних из самых ранних экспедиционных снимков, исполненных в условиях крайнего юга. Их автор, Антон Степанович Муренко, был удостоен в 1860 году за снимки в Хиве и Бухаре серебряной медали Русского Географического общества [16, с. 112]. В

дальнейшем, занимаясь портретной⁶ и видовой съемкой, он открыл собственное фотографическое заведение в Саратове, на Немецкой ул., в доме Пукшверт. В отделе редких изданий Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве хранится альбом снятых им видов г. Симбирска, датированный 1867 годом [12, с. 16].

Литература

1. Архив Географического общества, ф. 1—1857, оп. 1, № 24.
2. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.
3. Залесов Н. Г. Письмо из степи // Военный сборник. 1858. Т. 3.
4. Залесов Н. Г. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1858. Т. 4.
5. Залесов Н. Г. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1859. Т. 5.
6. Залесов Н. Г. Письмо из Бухары // Военный сборник, 1860, т. 12.
7. Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. // Русский вестник. 1871. № 2, 3.
8. Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897 г.
9. Килевейн Е. Я. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейд-Мухаммед-хана 1856—1860 гг. // ЗРГО. 1861. № 1.
10. Крачковская В. А. Из архивного наследия Ханыкова и Дорна. // Этнография Востока. Т. 4.
11. Материалы к библиографии, вып. II. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. 2 (1856—1869 гг.). // САГУ. Ташкент, 1956.
12. Морозов С. А. Русские путешественники-фотографы. М., 1953.
13. Назаров П. Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару. // Военный сборник, 1864, № 4.
14. Столянский П. Н. Город Оренбург, материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908.
15. Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н. И. П. И. Лерх (некролог). // Журнал министерства просвещения. СПб., 1884, ноябрь.
16. Изв. РГО. Т. 12. 1876. Отчет РГО за 1875 г. Список лиц, удостоенных наградами РГО со времени его основания по 1875 г.

⁶ В отделе эстампов Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в разделе фото-портретов формата "0" имеется образец портретной съемки А. С. Муренко со штампом его фотографического заведения.